

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ А. И. ГЕРЦЕНА

Ученые записки, том 353

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ
И
МАЛЫЕ НАРОДЫ
КРАЙНЕГО СЕВЕРА

ЛЕНИНГРАД
1967

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ А. И. ГЕРЦЕНА

Ученые записки, том 353

**ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ
И
МАЛЫЕ НАРОДЫ
КРАЙНЕГО СЕВЕРА**

ЛЕНИНГРАД
1967

М. Г. ВОСКОВОЙНИКОВ

К. М. РЫЧКОВ КАК СОБИРАТЕЛЬ ЭВЕНКИЙСКОГО ФОЛЬКЛОРА И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Константин Михайлович Рычков, находясь в политической ссылке с 1903 по 1913 гг., занимался изучением материальной и духовной культуры северных народностей бывшего Туруханского края Енисейской губернии.

Материалы по фольклору енисейских и туруханских эвенков, собранные К. М. Рычковым в Туруханском крае, хранятся в Ленинграде в архиве востоковедов Института народов Азии Академии наук СССР. Материалы эти, весьма значительные для своего времени, являются чрезвычайно ценным научным источником для изучения многовековой художественной культуры эвенкийского народа.

В различных архивных фондах Ленинграда, Красноярска, Семипалатинска хранятся письма К. М. Рыčkова, его отчеты, а также рукописные работы в области истории, этнографии и лингвистики северных народностей.¹

Как в дореволюционных, так и в послереволюционных сибирских газетах, журналах и сборниках было опубликовано немало статей, очерков и рассказов К. М. Рыčkова.² Некоторые его доклады и статьи публиковались и в центральных изданиях.³

¹ Фонды Архива АН СССР, где имеются письма Рыčkова, его отчеты, отзывы о его работах (Ленинград) — № 319 (академик Сушкин); № 291 (чл.-корр. А. А. Бялыницкий-Беруля); № 282 (проф. Л. Я. Штернберг); № 87 (академик К. Г. Залеман); № 761 (чл.-корр. В. Л. Котвич); № 142 (Архив Института этнографии — Музея антропологии и этнографии до 1927 г.).

² Значительное количество статей и рассказов К. М. Рыčkова было напечатано в семипалатинской газете «Степная правда» за 1921—1923 гг.

³ «Сибирский архив»; «Землеведение»; «Журнал для всех»; «Природа и люди», а также статьи за рубежом в журнале «Вестник Азии» (1917 г.) и др. Значительный библиографический материал о научной и литературно-публицистической деятельности К. М. Рыčkова включен нами в виде Приложения в Хрестоматию по устнопоэтическому творчеству эвенков. Кабинет языков народов Севера Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1960 (рукопись).

Научные интересы К. М. Рыčkова были широки и разнообразны. В своей собирательной и исследовательской деятельности он не ограничивался изучением материального быта, фольклора и языка эвенков. Вопросы, связанные с археологией, антропологией, естественными науками, также интересовали этого талантливого исследователя и в той или иной степени нашли свое отражение в его трудах.

К. М. Рычков (литературный псевдоним — К. Ракай) родился в Усть-Каменогорске Семипалатинской области в 1882 г., в бедной мещанской семье.¹ Учился Рычков в приходском училище и с 15 лет ушел из родного дома. Где находился он первые годы своей юности — неизвестно, но, как отмечал сам Рычков, к этому периоду относится его связь с революционным подпольем. Работа в революционных организациях приводит Рыčkова в ссылку, в Туруханский край.²

Таким образом, Рычков в возрасте двадцати одного года из южных степей Средней Азии попадает в суровый край Заполярья. В изгнании Рычков не имел никакой материальной помощи.

Желая заняться изучением языка, духовной и материальной культурой северных народностей, Рычков поступает временно на службу в Красноярскую духовную миссию и проникает в самые отдаленные места, где жили в то время эвенки, долганы, кеты, селькупы, ненцы и ханты.

В письме К. М. Рыčkова на имя академика К. Г. Залемана от 19 февраля 1911 г. мы читаем следующее: «В 1903 г., вследствие подозрения в политической неблагонадежности, судьба забросила меня в Туруханский край. Не имея положительно никаких средств к существованию, кроме незначительной материальной поддержки Красноярского подотдела географического общества, я вынужден был поступить в духовную миссию в качестве временно допущенного исполнять должность катехизора, за что я имел бесплатный разъезд по краю и половину оклада жалованья по должно-

¹ Автобиографию К. М. Рыčkова до сих пор обнаружить не удалось. Имеется краткая биография К. М. Рыčkова, неизвестно кем написанная, в архиве АН СССР (фонд 282 — Штернберг, опись 1, № 106), без указания даты. Более подробные данные из биографии К. М. Рыčkова даны в некрологах: «К. М. Рычков-Ракай», «Сибирские огни», 1923, № 5—6, стр. 249, и «Константин Михайлович Рычков-Ракай», газ. «Степная правда», № 262, 28. XI, 1923. Копии этих материалов см. в упомянутой Хрестоматии (Кабинет языков народов Севера Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена), стр. 264—358.

² Нами получено письмо из ЦК Коммунистической партии Казахстана. По этому официальному документу значится, что К. М. Рычков вступил в члены РКП(б) в 1905 г., находясь в туруханской ссылке. Копию письма из ЦК КПК см. в хрестоматии.

сти. Но главной моею задачею было изучение языка туземных народностей и обследование их в этнографическом отношении. Не умея читать и писать по-церковному, я должен был чем-либо реабилитировать себя перед духовным начальством, и я занялся составлением учебных руководств и пособий для школ миссии и переводом церковно-богослужебных книг на остяко-самоедский язык. Переводы мои были представлены прокурором синода в Академию, а отзывы об них дали Вы и В. В. Радлов».¹

Но не долго пришлось быть К. М. Рычкову на службе в духовной миссии, так как он, по своим политическим убеждениям, ненавидел местную администрацию.

Не один раз местные полицейские и торговцы подстраивали интриги и фабриковали материалы, компрометирующие научные работы Рычкова в Туруханске.

В своем письме от 15 августа 1913 г. Рычков сообщал В. Л. Котвичу следующее: «Я фактически лишал возможности грабить несчастных туземцев чиновникам, попам и торгашам, записывая факты и влияя на инородцев в известном направлении. В настоящее время у меня имеется целая панاما гнусных дел и преступлений местных культуртрегеров Туруханского края, записанных в дневнике... Таким образом, местные дельцы края и администрации... нужно прямо говорить, не питают ко мне расположения, и, зная, на что они способны, я могу от них ожидать всего».²

Рычков занимался медициной и принимал непосредственное участие в борьбе с эпидемиями оспы и тифа среди местного населения. Он вместе со своим другом и спутником жизни — учительницей А. М. Сусловой³ радовался успехам в обучении грамоте детей эвенков и затундренных крестьян.

¹ Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 333. В этом же фонде (оп. 1, № 325, л. 9) имеется отношение академику В. В. Радлову, где дана выписка из протокола историко-филологического отделения Академии наук от 5 февраля 1907 г. В этой выписке сообщается о том, что «за неимением в ведомстве Святейшего синода лиц, основательно знающих остяцкий язык, обер-прокурор с препровождением означенных рукописей (рукописи К. М. Рычкова. — М. В.) просил Академию рассмотреть и сообщить отзыв об их достоинстве, с возвращением приложений».

Положено было образовать комиссию из академиков В. В. Радлова и К. Г. Залемана для рассмотрения работ Рычкова. В приложении к протоколу заседания историко-филологического отделения 7 марта 1907 г. работам К. М. Рычкова был дан в основном положительный отзыв.

² Архив востоковедов ИНА, ф. 49, Письма К. М. Рычкова, лл. 67—68.

³ В архивах Ленинграда и Красноярска имеется несколько писем от учительницы А. М. Сусловой, которая становится впоследствии женой К. М. Рычкова и принимает участие в его многогранной научной деятельности.

Скитания по стойбищам местного населения с целью научных изысканий К. М. Рычков ставил превыше всего, хотя Академия наук, Русский комитет по делам Средней и Восточной Азии, Азиатский музей, Музей антропологии и этнографии не всегда были в состоянии материально поддерживать Рычкова и поручали ему выполнять различные задания без всякой оплаты.¹

В письме Рычкова от 15 августа 1913 г. на имя В. Л. Котвича мы читаем: «Я отдавал все свое время интересующим меня вопросам, пренебрегая даже лучшими условиями жизни в том же крае не только своей, но и семьи, так что последняя странствовала со мной, как например, в последние годы нашей совместной с Вами деятельности, от Красноярска до Кемчуга, с Кемчуга на Ману, с Маны на Сымь и т. д.».²

Имя Рычкова в научных кругах было уже известно. В 1910 г. один из виднейших востоковедов, В. Л. Котвич, направил в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии весьма положительный отзыв о трудах Рычкова. «Имея в виду, — отмечал Котвич, — что находится в распоряжении г. Рычкова материал, с которым я имел случай ознакомиться, дает нам возможность впервые составить довольно ценное представление о языке одного из тунгусских племен и его народном творчестве, я считаю весьма важным оказание г. Рычкову прочной денежной поддержки».³

Среди различных материалов, хранящихся в архивах Ленинграда, мы встречаем очерк К. М. Рычкова «О Туруханско-Тазовском крае» (12 страниц машинописи). В этом очерке автор обращал внимание научных учреждений и общественности на обнищание и бедствия жителей края. «Экономические нужды края, — писал автор очерка, — игнорировались и игнорируются пока абсолютно. В большой степени этим и можно объяснить беззастенчивую эксплуатацию инородцев местными промышленниками...»⁴

В своем отчете, составленном по поручению Музея антропологии и этнографии, К. М. Рычков писал: «Судьбы туземного населения вверены преступной координированной шай-

¹ Многие сведения, связанные с биографией Рычкова, сообщены нам И. М. Сусловым (племянником жены К. М. Рычкова А. М. Сусловой). И. М. Суслов — известный советский ученый-северовед, член КПСС с 1920 г., ныне персональный пенсионер.

² Архив востоковедов ИНА АН СССР, ф. 49. Письма К. М. Рычкова лл. 72, 73.

³ Архив АН СССР, ф. 761, оп. 2, № 19.

⁴ Архив востоковедов ИНА АН СССР, ф. 49. Очерк К. М. Рычкова «О Туруханско-Тазовском крае».

ке, состоящей из местной туруханской администрации и торгашей, сплоченных интересами в эксплуатации туземного населения. В настоящее время образовался недопустимый подбор местной администрации и торгашей, которые держат в своих руках душу и тело туземных народностей».¹

Еще резче пишет Рычков о полицейских приставах, устраивавших постоянную слежку за ним по заданию Петербурга: «...полицейский пристав все — «и бог и царь»».²

Рычков также сообщает, что ряд его статей и очерков, публикуемых в сибирской прессе, обращал на себя внимание некоторых членов Государственной думы и даже министра внутренних дел, что доставляло туруханской администрации много «хлопот» и «неприятностей». Но он считал, что своими очерками и статьями выполняет большой общественный долг.

«Работа эта, — писал Рычков, — в далекой сумрачной стране, где бесследно гибнет человечество, отверженное от всего остального общества, оставленное как бы в добычу жестоким эпидемиям и дикому, разнузданному произволу преступных культуртрегеров, влачащее и без того жалкую, безотрадную жизнь, исполненную мучительных страданий, и не имеющее в будущем ничего, кроме совершенного вырождения и вымирания, для меня служила нравственным отдыхом от сознания честно исполненного долга и обязанности человека».³

Весь 1912 г. К. М. Рычков находится в непрерывном движении, путешествуя верхом на олене и в утлой лодочке. «За один июнь месяц среди лимпейских тунгусов я сделал около 500 верст верхом на оленях», — писал Рычков Штернбергу 4 августа 1912 г.⁴ 19 февраля 1912 г. Рычков сообщает Котвичу о своем намерении подготовить к печати работу по этнографии тунгусов, «которая и послужит лучшим введением к лингвист. материалам».⁵ Об этом же Рычков пишет и в другом письме: «Кроме лингвист. материала, мне удалось систематизировать весь мною собранный за 9 лет этнографич. материал по карточкам и начать обстоятельную монографию племени».⁶

В письме на имя Л. Я. Штернберга Рычков подводит

¹ Докладная записка К. М. Рычкова на имя секретаря Академии наук Ольденбурга от 19 мая 1909 г. Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1, № 137.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1, № 29, №№ писем 125, л. 160.

⁵ Архив востоковедов ИНА АН СССР, ф. 49, письма К. М. Рычкова, л. 42.

⁶ Там же.

основные итоги о выполненной им работе по собиранию эвенкийского фольклора и изучению языка и делает некоторые выводы по наречиям енисейских эвенков. «Как мне пришлось установить, — заключает Рычков, — в Туруханском крае существует шесть отдельных лингвистических групп или наречий тунгусского языка. У нас имеется достаточно материала от 3-х групп, остается обследовать еще три, а именно: 4) туружское наречие, 5) тунгусов корасинской управы и 6) наречие Чапогирского, Панкагирского и Нижнечумского родов. Поверхностное сопоставление указанных наречий может навести на мысль, что крупных различий между ними не существует и, следовательно, тратить времени на обследование всех указанных наречий не стоит...

...Из тщательного сопоставления я нашел:

1) факты, родственные по происхождению;

2) факты, заимствованные из других языков, и

3) факты, совершенно чуждые друг другу, появившиеся в каждом наречии самостоятельно.

В области грамматических форм — те же случаи, что и по отношению к отдельным словам. Наконец, в области значений слов серьезную задачу имеют факты заимствования из других языков.

Между указанными лингвистическими группами образовались не только резкие диалектические границы, но такой капитальный факт, как образование особых самостоятельных наречий. Следовательно, задаваться вопросом, стоит ли продолжать обследование лингвистических групп — совершенно не приходится».¹

По решению Академии наук Котвич готовит фольклорные материалы Рычкова для публикации. В связи с этим в своем письме от 17 ноября 1913 г. Рычков излагает программу работы по опубликованию материалов на ближайшие два года.

«Я лично желал бы, — пишет Рычков Котвичу, — под Вашей редакцией в первую очередь издать монографию «Енисейские тунгусы», а затем издать материалы в следующем порядке:

1. Словарь енисейских тунгусов.

2. Транскрипция и фонетика тунгусского языка (этой работы в архиве нет. — М. В.).

3. Материалы по изучению языка, фольклора и этнологии племени.

а) Северо-Восточная группа родов Турух. края (вымирающие роды).

¹ Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1, № 29, №№ писем 125, л. 160.

b) Лимпейские тунгусы.

c) Бархананы.

d) Хожаны.

В таком порядке, я думаю, в течение двух лет нам удалось бы издать весь имеющийся у нас материал».¹

Фольклорные материалы, собранные Рычковым, так и остались неопубликованными.

В последние годы своей жизни К. М. Рычков принимал активное участие в гражданской войне, был членом Военного совета армии, затем работал по линии Губистпарта в Семипалатинске. Умер К. М. Рычков в 1923 году.²

Многочисленные архивные материалы, всевозможные «Докладные записки», «Обращения», служебная и частная переписка К. М. Рыčkова, его дореволюционные научные и публицистические статьи свидетельствуют о знакомстве Рыčkова с трудами наиболее прогрессивных сибирских ученых — Г. Н. Потанина, А. П. Шапова, Н. Н. Ядринцева. Рычков был хорошо знаком с трудами Л. Я. Штернберга.

Наблюдения за бытом и жизнью народностей Туруханского края, а также фольклорные произведения эвенков были использованы К. М. Рычковым в его сокращенной монографии «Енисейские тунгусы».³ В работе советских историков и этнографов широко цитируется названная монография, но никто из исследователей не обращался к архивным материалам Рыčkова, исключительно ценным в научном отношении. Следует также подчеркнуть, что многие выводы, к которым пришел К. М. Рычков в своей монографии, подтверждаются собранными им материалами эвенкийского фольклора. Достаточно привести лишь несколько примеров использования Рычковым фольклорных произведений, им записанных и хранящихся в архивном фонде.

В работе Рыčkова дается описание похоронных обрядов, в том числе приводятся причитания по покойному. Жена причитает: «Я одна осталась и меня будут обижать? Ты уходишь в ночную сторону? Зачем? Как грустно! Тяжело!»⁴ Более подробные описания похоронных обрядов даны в материалах. Здесь имеются тексты причитаний, например: «Я одна осталась! Меня люди обижать будут! Ты уходишь

в ночную сторону! Больно — грустно! Сердечный! Теперь уже никогда не видеться! Ты ко мне никогда не придешь! Я к тебе не приду!.. Тебе спокойно стало! Спокойно здесь лежишь!»¹ Говоря об употреблении эвенками металлических изделий в хозяйстве, Рычков ссылается на предания илимпейских эвенков. В этих преданиях указывается, что пять поколений тому назад эвенки «употребляли железные наконечники стрел, а до знакомства с железом все необходимое делали из меди».² Об этом свидетельствует обширное предание, представленное в материалах.³ Рычков останавливается также на преданиях о приходе в Туруханск русских казаков, которых послал тэгэмор (царь).⁴ О приходе казаков в Туруханск, о встречах Ермака с эвенками повествует большое количество преданий, представленных в материалах Рыčkова.⁵ Имеется и немало преданий и устных рассказов, в которых содержатся упоминания о мамонтах.⁶ Подобные рассказы встречаются и в материалах собирателя.⁷ В монографии Рыčkова широко использованы не только предания, но и другие жанры эвенкийского фольклора.

Архивные материалы Рыčkова по фольклору енисейских эвенков записаны на разных говорах. Большинство текстов имеет русский дословный перевод, часть текстов не переведена. Материалы, расположенные в пяти папках⁸, не имеют жанровой классификации, отсутствует оглавление, в ряде случаев не соблюдается паспортизация текстов. Все записи произведены в академической транскрипции, поставлены знаки ударения. К некоторым текстам даны этнографические и лингвистические комментарии. К ряду терминов, связанных с шаманским ритуалом, даны примечания с указанием на коллекции, собранные К. М. Рычковым и хранящиеся в музеях Академии наук.

Автором данной статьи предпринята попытка классификации фольклорных материалов К. М. Рыčkова по жанрам. Ниже приводится общая характеристика жанров, представленных в материалах Рыčkова.

Во всех пяти папках материалов К. М. Рыčkова содер-

¹ К. М. Рычков. Ф. 49, 6-а, лл. 221—222.

² К. М. Рычков. Енисейские тунгусы, стр. 8.

³ К. М. Рычков. Ф. 49, 6-б, л. 254.

⁴ К. М. Рычков. Енисейские тунгусы, стр. 8.

⁵ К. М. Рычков. Ф. 49, 5 лл. 16—17, 6-а, лл. 25, 26, 21—22.

⁶ К. М. Рычков. Енисейские тунгусы, стр. 93.

⁷ К. М. Рычков. Ф. 49, 6-б, л. 140; 5, лл. 22, 24.

⁸ См. подробную опись фольклорных материалов Рыčkова в статье М. Г. Воскобойникова «О собирании и публикации устного народного творчества эвенков за годы Советской власти». Ученые записки кафедр языков народов Севера. Лен. Гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 169. Л., 1960, стр. 249—250.

¹ Архив востоковедов ИНА АН СССР, ф. 49, письма К. М. Рыčkова, № 73—74.

² Материалы, связанные с общественно-политической и научной деятельностью К. М. Рыčkова в последние годы его жизни, см. в нашей Хрестоматии по устно-поэтическому творчеству эвенков, хранящейся в кабинете языков народов Севера ЛГПИ им. А. И. Герцена. Рукопись.

³ К. М. Рычков. Енисейские тунгусы. «Землеведение», М., 1917, кн. 1—2; 1922, кн. 1—2, кн. 3—4.

⁴ К. М. Рычков. Енисейские тунгусы, стр. 101.

жаты ценнейшие записи эвенкийского фольклора. Здесь мы встречаем: нимгакан — сказку, в том числе сказки о животных, волшебные, бытовые, детские; улгурил — предания (космогонические, топонимические, героические, бытовые и исторические); улугрил — устные рассказы; песни-импровизации и лирические песни с устойчивым текстом. Особую ценность для этнографов и фольклористов представляют шаманские песнопения в записях К. М. Рычкова. В материалах встречаются записи народных примет, заговоров, поговорок, загадок, тексты клятв — присяги.

Сказки о животных представлены в материалах десятью текстами.

Основным персонажем в этих сказках выступает лиса. Для сказок о животных в записях Рычкова характерна контаминация сюжетов.¹ В некоторых сказках о животных встречаются этиологические концовки, например в сказке «Почему медведь стал плоским».

Следует отметить, что Рычковым зарегистрированы и такие сказки о животных, сюжеты которых бытуют главным образом у дальневосточных эвенков, например сказка «Почему у зайцев кончики ушей стали черными».

Несколько текстов следует отнести и к животному эпосу и к волшебным сказкам. Так, например, девушка Сытычинга не выходит замуж за ворона, а вступает в брак с мышью. Затем мышь убивают и Сытычинга мучается. Прилетевший ворон обращается к ней со словами:

— Эх, Сытычинга! Я тебе говорил: «За меня пойдешь замуж! Не пошла замуж за меня! За мышку пошла!»

Сытычинга выходит замуж за ворона.

Подобные сказочные сюжеты зарегистрированы у народов, обитающих на Амуре, в том числе у эвенков.²

В материалах Рычкова выделяется группа волшебных сказок. Одни из них являются оригинальными, другие заимствованы из якутского и русского фольклора. Сказка «Нирхушка эмэрхэн» была нами подготовлена к печати и в переводе на русский язык опубликована в сборнике «Сказки народов Севера» (1951 г.), также из записей Рычкова опубликована сказка «Буруйдак».³ Представляют значитель-

¹ К. М. Рычков. Ф. 49, 6-а, л. 507. Текст этой сказки опубликован в переводе на русский язык в «Сибирском архиве», 1914, № 11, стр. 507—521, перепечатан в «Материалах по эвенк. (тунг.) фольклору», сост. Г. Василевич, 1936, стр. 266.

² См. канд. дисс. Т. З. Пукшанской «Говор эвенков Тугуро-Чумиканского района». Фундаментальная библиотека Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена.

³ «Эвенкийские народные сказки», сост. М. Г. Воскобойников, Якутск, 1960.

ный интерес две сказки: «Болезнь и пьяница» и «Оспа и корь». Сюжеты обеих сказок связаны с древними представлениями эвенков о том, что болезни — это живые существа и их можно убивать. Сказки повествуют о борьбе с этими существами.

В различных территориальных эвенкийских группах встречаются сюжеты сказок о том, как солнце и месяц помогают детям-сиротам. Редкой по сюжету является в материалах Рычкова сказка о том, как девочка-сиротка попадает на луну.

Несколько сказок по своей тематике связаны с похождениями шаманов. Иногда шаманы изображаются глупыми. В материалах Рычкова имеются сказки, в которых изображаются действия волшебных духов (Бэһэндор, Христос, Николай-угодник и другие святые). Здесь переплетаются мотивы исконно эвенкийских сказок и сказок, заимствованных у русских. Часть сюжетов волшебных сказок напоминает сюжеты из животного эпоса, например сказка о двух шаманах. Два великих шамана, став лебедями, решают лететь в теплые страны. Первый шаман живет один, а второй находит с лебедями. Лебеди, повстречав второго шамана, узнают его и убивают.

Ни у кого из советских собирателей эвенкийского фольклора нет такого разнообразия тематики бытовых сказок, какое мы встречаем в материалах Рычкова. Достаточно указать основные сюжеты, варианты которых были зарегистрированы собирателем у южных (сымско-кетских) и северных (илимпийских) эвенков.

а) Сказка, повествующая о том, что нельзя ругать огонь. Женищина, которая ругала огонь, умерла, а сын ее сгорел.

б) Сказка о том, как бог наказал людей за то, что они надругались над хлебом. Собака просит у бога хлеба, он дает ей. Если бы не попросила собака хлеба, то его не имел бы весь мир.

в) Сказка о том, как девочка уходит в лес. Ее долго ищут. Наконец находят медведя, убивают его. На лапе медведя кольцо девочки, а на шее медведя — ожерелье.

г) Сказка о горькой доле мальчика-сироты, живущего в качестве приемыша. Приемный сын добывает много диких оленей.

д) Сказка о сироте, который становится впоследствии счастливым человеком и первым шаманом.

е) Сказка о дураке, которого поп учил произносить одну молитву. Дурак прыгал целый день через колодину и произносил эту молитву.

ж) В нескольких сказках изображаются сварливые и привередливые женщины, которых боятся даже черти.

з) Ряд сказок-вариантов о двух братьях (умном и глупом). Сюжеты подобных сказок распространены среди эвенков повсеместно. Сказка «Ивул и Акарамэ».

и) Ряд сказок осуждает людей-эгоистов. Злые девицы кладут на глаза слепому квашеную овчину, и он от этого прозревает.

Из детских сказок в материалах представлены «Чинэкэ и мышь» и кумулятивная сказка «Дятел», по форме напоминающая «кольцовые» сказки эвенков, нанай и негидальцев.¹

Весьма ценными по содержанию являются записанные К. М. Рычковым тексты преданий и устных рассказов. Значительное количество текстов следует отнести к космогоническим преданиям. В них рассказывается о названиях, связанных с происхождением гор, рек, озер. В ряде текстов повествуется о создании мира и о том, как построен мир, разделенный на три яруса: «Верхний мир», «Средний мир», «Нижний мир».

В записях Рычкова имеются также предания, посвященные встречам эвенков с чангитами и людоедами. Этот цикл преданий по своему содержанию относится частично к героическим и к историческим преданиям. Непосредственно к историческим преданиям относятся тексты преданий о приходе русских в Сибирь, о встрече эвенков с Ермаком, а также предания о якутском царе Дыгыне.

К группе бытовых преданий следует отнести записанные Рычковым воспоминания о гончарном производстве у эвенков в прошлом, о кузнецах и кузнечных инструментах.

Исключительный интерес для этнографии и фольклористики представляют предания о различных обрядах: похоронных, сватовстве, рождении ребенка, медвежьих праздниках.

Некоторые тексты устных рассказов, представленных в материалах, трудно отделить от преданий, и термина «устный рассказ» у Рычкова нет. «Устные рассказы» — это повествования самих очевидцев или воспоминания о том, что слышали или видели современники исполнителя. Иногда в устный рассказ вплетаются элементы сказочности, а также предания о давно минувших событиях. Здесь приводим только часть текстов устных рассказов по материалам Рычкова.

Ряд рассказов связан с воспоминаниями эвенкийских девушек, живших у богатых людей г. Туруханска, дружбе и совместной охоте с русскими — коренными жителями Туруханского края.

¹ Текст сказки опубликован в учебнике М. Г. Воскобойникова «Эвенкийский фольклор». Л., Учпедгиз, 1960, стр. 157.

Кочуя по тайге вместе с эвенками, К. М. Рычков записал подробные автобиографические рассказы охотников, их жен и детей.

Многие устные рассказы повествуют о голодовках и эпидемиях у эвенков, о приезде в тайгу приставов, различных чиновников, об обмане сторожей хлебных амбаров (магазинов), о золотых приисках, о различного рода скупщиках, о жизни некоторых эвенкийских родов, о местах их перекочевок. Такие тексты устных рассказов в записях Рычкова представляют научную ценность не только для этнографов-фольклористов, но и лингвистов.

В некоторых записях Рычкова встречается терминология, связанная с охотой, рыболовством, оленеводством, жилищем, одеждой, пищей, названиями животных, растений, времен года, суток, производственные названия месяцев, приводятся названия родов, имена людей, клички оленей, собак и др.

Приводим для иллюстрации отрывок из рассказа о местных родах:

«На этой земле живут племена:

...Малга — родина этого племени река Волочанка.

Тембеин — родина этого племени река Волочанка и Медвежья пасть.

Како — родина этого племени Хета и Паханида.

Хараһын — раньше это племя было на Волочанке. Теперь оно обитает на Янкане...»¹

Во многих публицистических статьях и художественных произведениях Рычкова рисуются картины жизни забитых, угнетенных и подавленных страшной судьбой арктических племен. Публицистика и художественная проза Рычкова-писателя уходила своими корнями в реальные картины жизни, которые наблюдал Рычков-ученый во время перекочевки с эвенками по тайге.²

Проживший длительное время среди эвенков и хорошо знавший психологию этого народа, Рычков справедливо отмечал, что «песенная лирика тунгусов представляет собою выражение всякого сильного чувства или движения и служит естественным средством душевного настроения».³

Рычков был не только собирателем эвенкийских народных песен, но и одним из популяризаторов их. В монографии «Енисейские тунгусы» К. М. Рычков сообщал о том, что в 1909 г. в программу грандиозного этнографического кон-

¹ К. М. Рычков. Ф. 49, 6-б, лл. 264—265.

² См. рассказ о страшных голодовках среди эвенков, ф. 49, 6-б, л. 1; 6-а, лл. 446—448.

³ К. М. Рычков. Енисейские тунгусы, стр. 77.

црта, устроенного Обществом народных университетов в С.-Петербурге, между прочим вошли и некоторые тунгусские песни, записанные автором (К. М. Рычковым. — М. В.), а именно «Плач тунгусской женщины» и «Песня о богатыре Тукеркеке».¹

Вполне закономерно, что больше всего было собрано Рычковым песен-импровизаций. Встречаются колыбельные песни, песня любовная, песня, исполняемая невесткой о ненавистном свекре, и др. Представляют интерес также песни, «исполняемые» птицами, рыбами, деревьями, цветами. Есть, например, песня налима, песня сосновой шишки. Особенно любил сам собиратель «Песню рябчика»:

Один был рябчик —
Один плакал, плакал.
Кто скажет:
Жалко, жалко тебя!²

Нахождение К. М. Рычкова в длительных полевых условиях помогло собирателю записывать адакачан — присяги-клятвы, народные приметы и даже подробные тексты шаманских песнопений.

Всего Рычковым записано свыше 50 народных примет, основанных на суевериях, трудовом опыте и на глубоком знании природы.

Многие устные рассказы начинаются с какой-либо народной приметы, и дальше следует повествование.

Собирателем зарегистрированы присяги-клятвы. Человек, желающий отвести от себя обвинение, берет медвежью лапу, жжет ее в огне и говорит:

— Ничего не сделал! Который виноват, тот весь сгорит!

В материалах содержится около 50 загадок.³

В дореволюционные годы фольклорные материалы Рычкова на эвенкийском языке не публиковались. Кроме указанных выше текстов переводов, опубликованных в журнале «Сибирский архив», в 1917 г. была издана небольшая книжка под названием «Сказки сибирских инородцев».⁴ С таким же названием в 1923 г. Рычковым был подготовлен большой сборник сказок, но в свет он не вышел. Нами подготовлено

¹ К. М. Рычков. Енисейские тунгусы, стр. 77.

² Эту песенку Рычков приводит в виде эпиграфа даже в официальных письмах.

³ См. 33 загадки, записанные Рычковым в статье М. Г. Воскобойникова «Эвенкийская загадка». Ученые записки факультета народов Севера Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 132, Л., 1957, стр. 267—269.

⁴ К. М. Рычков. Сказки сибирских инородцев. Приложение к журналу «Жаворонок», Петроград, 1917.

к печати и опубликовано на эвенкийском языке несколько текстов из материалов Рычкова.¹

Болезнь и смерть ученого помешали опубликовать эти весьма ценные для фольклористики полевые записи. К. М. Рычков не успел произвести жанровую классификацию собранных им фольклорных материалов. Тем не менее Рычков единственный из этнографов наиболее обстоятельно использовал фольклорные материалы при исследовании им материальной и духовной культуры тунгусских племен.

К. М. Рычков не был лишь регистратором и созерцателем тяжелых условий жизни северных народностей в царской России, он вступал в открытую борьбу за улучшение быта и жизни коренных обитателей Севера.

Активный участник революционного движения и гражданской войны, К. М. Рычков страстно мечтал о возрождении северных народностей, о полном преобразовании их жизни. И эта мечта талантливого исследователя, смелого путешественника-собирающего и страстного публициста сбылась в наше, советское время.

Подготовка к печати и публикация ценного наследия К. М. Рычкова в области эвенкийского языка и фольклора должны стать ближайшей задачей советских тунгусоведов и специальных научных учреждений.

Из неопубликованных писем К. М. Рычкова

В рукописных архивах АН СССР (Ленинград), Институте народов Азии (Ленинград), Госархивах Красноярска, Семипалатинска имеются письма и докладные записки К. М. Рычкова. Ни одно из писем К. М. Рычкова, направленных из Туруханского края в адрес Академии наук (В. В. Радлову, С. Ф. Ольденбургу), в Музей антропологии и этнографии (Л. Я. Штернбергу) и в Русский комитет по делам Средней и Восточной Азии (Л. В. Котвичу), до сих пор не было опубликовано в печати.

Ниже публикуются три письма.

Первое письмо адресовано на имя неперменного секретаря Академии наук, пост которого в то время занимал С. Ф. Ольденбург. Как видно из надписи, Ольденбург направляет письмо Рычкова, посланное последним 19 мая 1909 г., на заключение акад. В. В. Радлову.

¹ См. М. Г. Воскобойников. Эвенкийский фольклор. Л., Учпедгиз, 1960. Почти во всех трудах советских этнографов по шаманству цитируются материалы из монографии К. М. Рычкова «Енисейские тунгусы», но столь ценные в научном отношении и уникальные тексты шаманских песнопений, хранящихся в архиве Рычкова, и поныне остаются неиспользованными. До сих пор не включены также в эвенкийские диалектологические словари лексические (фольклорные) материалы К. М. Рычкова.

Второе письмо адресовано в Музей антропологии и этнографии Академии наук на имя Л. Я. Штернберга, который осуществлял общее руководство по собиранию К. М. Рычковым этнографических коллекций коренных народностей Туруханского края.

Третье письмо от 19 декабря 1915 г. адресовано на имя С. Ф. Ольденбурга из города Омска, где в то время К. М. Рычков работал в западно-сибирском отделе Русского географического общества.

* *
*

Ак. Радлову на заключение (подпись Ольденбурга. — М. В.) 25/V 1909.

Его превосходительству неперемennomу секретарю Императорской Академии наук.

Командированного с научной целью в Туруханский край музея Антропологии и Этнографии Академии наук Константина Михайловича Рычкова.

Возвратившись из поездки в Туруханский край, спешу довести до сведения Вашего превосходительства о результатах возложенного на меня поручения музеем Антропологии и Этнографии императорской Академии наук.

По приезде в Туруханский край с 20 августа 1907 г. по 8 марта 1908 г. я работал над береговым родом юраков, обитающим по обеим сторонам заполярного течения р. Енисея. Ныне этот отросток Енисейской «самояди» по случаю развившейся эпидемии натуральной оспы в зиму 1907—1908 гг. вымер.

Родиной берегового рода юраков следует считать западные тундры по р. Тазу, откуда в свое время этот род юраков эмигрировал в низовья р. Енисея, но во всяком случае, береговой род юраков не был участником в передвижении Авамских, Воулевских и Хантайских самоедов и в занятии ими тундр в Восточной половине края, а является пришельцем в данной местности и притом позднейшим. Этот же род береговых юраков главным образом способствовал изменению национального типа русского низовика-крестьянина.

От юраков берегового рода для Академического музея Антропологии и Этнографии мною приобретено 29 этнографических предметов и за это же время, т. е. от 20 августа 1907 г. по 8 марта 1908 г., — 69 этнографических предметов от русского отуземившегося в низовьях р. Енисея.

Этнографические материалы о береговом роде юраков (род, обычное право, быт, язык и культ шаманства), сюда же войдут материалы юраков, обитающих в западной половине

края, по р. Тазу. Собранные мною в 1903—1905 гг. будут представлены.

С 8 марта 1908 г. по 23 апреля 1909 г. (подчеркнуто мною — М. В.) я прожил в глубине северо-восточных тундр, работая над тунгусами, населяющими северную половину края, разделяющимися на следующие девять родов: малга или како — обитает по рр. Волочанки, Хеты и Баганиде; Тэмбэгин — по рр. Волочанки, Хете у Медвежьего яра; Ялигин — по рр. Волочанки, Хете, Баганиде; Гарягын — бродит по большому горному кряжу, тянущемуся от группы Норильских озер на Север до р. Анабары; Баягин — по р. Баганиде; Яколь — по р. Хатанге; Дольгар или по рр. Гудихи, Аваму и на Норильских озерах; Угдакир — на Норильских озерах и Каранто по р. Баганиде и в окрестности Норильских озер.

Указанные тунгусские роды являются самыми северными, т. е. лоцманами, в эволюции передвижения тунгусской народности и по справедливости должны считаться наиболее чистыми, типичными представителями не только среди своего племени, но и среди Енисейских тунгусов, наиболее сохранивших свои обычаи.

На основании лингвистических данных северные тунгусские роды следует отнести к ветви ороченов тунгусской народности, обитающих к северу от Нерчинска, между Нерпою и Киренгою, живущих также по преимуществу оленеводством.

С 8 марта по 19 апреля 1908 г. (подчеркнуто мною — М. В.) мною сделана поездка от Дудинки до р. Хатанги, по кочевьям тунгусов, якутов и зимовьям русского отуземившегося населения.

Весну и лето 1908 г. с 19 апреля по 13 августа (подчеркнуто мною. — М. В.) я работал над следующими тунгусскими родами: како, тэмбегин, ялигин, дольгар, каранто, кочуя от одного рода к другому в окрестностях рек Волочанка, Авама и Биски.

Осень 1908 с 13 августа по 24 октября я прожил на реке Хете, кочуя и работая по стойбищам следующих тунгусских родов: Горягын, Баягын, Яколь, Угдакир и Каранто. С 24 октября 1908 г. по 23 февраля 1909 г. я работал над тунгусским родом дольгар, кочуя вместе с ним по рекам: Аваму, Гусихе и в районе группы Норильских озер.

Этот род тунгусов в Туруханском крае называется дольганами. Академики Кеппенг (н/разб. — М. В.), Берг, Миддендорф считают долган только за соплеменников тунгусов, в действительности же, вопреки указанному мнению, долгане — это сравнительно недавняя разновидность тунгусской народности, представляющая собою продукт смеси тунгус-

ского и якутского племени, сообразно чему и язык долган представляет продукт смеси указанных наречий.

С 23 февраля, по возвращении бежавших от эпидемии натуральной оспы и сыпного тифа Вацелвских (н/разб. — М. В.), Авамских и Хантайских самоедов, я работал над указанными родами, кочуя вместе с ними по рр. Дудыпник (н/разб. — М. В.), Баганиде и Аваму и северо-восточным тундрам между рр. Дудынк, Авамом и оз. Таймыр.

По лингвистическим данным, ближайшими родственниками самоедов, населяющих северную половину Туруханского края, следует искать среди народов финской ветви — больше всего сходства с ними и угорским отростком.

От тунгусов, населяющих половину края, для Музея Антропологии и Этнографии Императорской Академии наук мною приобретено 214 этнографич. предмета. От долган — 143 этнографич. предмета. От самоедов — Авамских, Вадевских и Хантайских — 105 этнограф. предметов.

Всего для Музея Антропологии и Этнографии Академии наук приобретено мною 360 этнограф. предметов. Кроме того, коллекция каменных орудий из 10 предметов и 33 экз. по антропологии.

Для Зоологического музея Академии наук — 46 экз. и 2 ящика различных насекомых — жуков и до 40 экз. бабочек с окрестностей рр. Авама, Хеты и Волочанки затундренной местности.

Для ботанического музея Академии наук — гербарий трав, кустарников, мхов и коллекции лишайников — с рр. Гольчи, Авама, Волочанки и Хатанги.

Для Геологического музея Академии наук — коллекции камней — с рр. Пясиной, Волочанки, Хеты и Енисея.

Все вышеозначенные коллекции мною отправлены почтой в Императорскую Академию наук:

В Музей Антропологии и Этнографии 1908 г. 3 февраля 5 посылок, 2 марта того же года 4 посылки, 17 марта 1 посылка и 27 апреля того же года 3 посылки.

В 1909 году 6 марта 7 посылок. Итого 20 посылок.

В Зоологический музей Академии наук в 1908 году 3 февраля 2 посылки и в 1909 году 6 марта 2 посылки — итого 4 посылки.

В Геологический музей Академии наук в 1909 году 6 марта 2 посылки. В Ботанический музей Академии наук 6 марта в 1909 году 1 посылка. А всего в Академические музеи мною послано в указанное время 27 посылок.

Для музея Антропологии и Этнографии Академии наук мною приобретен на ст. Волочанка, в 600 верстах на Север от Дудина, в центре самоедских, тунгусских и якутских кочевых амбаров для склада и хранения этнографических коллек-

ций. Амбар этот мною отремонтирован, благодаря чему он представляет удобный склад и хорошее хранилище. В этом амбаре мною оставлены громоздкие коллекции, отобранные для музея Антропологии и Этнографии, преимущественно из культа шаманства: деревянные изображения идолов, которые по случаю восстания в Туруханском крае, распространившегося в затундренной местности, вывести я не имел возможности. Упомянутый склад, как собственность музея Антропологии и Этнографии Академии наук, окажет важные услуги и для будущих ученых предприятий.

Помимо оставленных в складе этнографических коллекций, мною оставлены до пароходов набранные коллекции для музея Антропологии и Этнографии Академии наук в с. Дудинском, до 100 этнографич. предметов и 3 посылки на ст. Ананьинском, в 53 верстах ниже по р. Енисею, которые будут отправлены пароходом и в свое время доставлены по назначению. Особый этнографический интерес представляют собой набранные и представленные в музей Антропологии и Этнографии коллекции из культа шаманства бубен родовых божеств, полное шаманское облачение, идолы — состоящие из 3 отдельных экземпляров, и коллекция орнаментов на кости мамонта, из 44 экземпляров.

Центром тяжести работы в этнографич. обследовании указанных туземных народностей являлись — роды, лексикология и культ шаманства. В результате — мною основательно изучен род (сделана социальная перепись северн. тунгусск. родов), собраны словари — тунгусский, долганский, самоедский и юрацкий, записаны тексты на туземных языках главнейших видов шаманства — «белого» в верхний и «черного» в подземный миры, записана масса преданий, сказок на туземных языках, кроме того, я успешно одолел тунгусский язык, которым в настоящее время прекрасно владею, язык же самоедов я знал еще в 1903—5 годах, что известно из моих переводов, бывших на рассмотрении в конференции Академии наук.

По Антропологии — наибольшей тяжестью служили измерения.

В передвижении по Туруханскому краю с 1907 г. июля месяца по май 1909 г., считая от г. Туруханска, мною сделано 7500 верст, причем начерчены схематические маршрутные карты всего протяжения пути, представляющие особый интерес, т. к. на них отмечена масса рек, озер, горных хребтов, лайд, мест стойбищ и кочевых туземцев, названия которых впервые явятся в географической номенклатуре.

Таков в кратких чертах итог и результаты моей работы по возложенному на меня поручению музея Антропологии и Этнографии Императорской Академии наук.

Занимаясь специальной работой — научным исследованием туземных народностей и собиранием научных коллекций, для Академии наук, я не мог оставаться равнодушным к возмутительным фактам и событиям в жизни туземцев Туруханского края, где во всей своей гнусной несправедливости царят полный административный произвол, гнуснейшая эксплуатация туземного населения, эпидемические болезни, сифилис, водка и взяточничество чиновников.

Административное благоустройство Севера Енис. губернии возмутительно. Судьбы туземного населения вверены преступной координированной шайке, состоящей из местной туруханской администрации и торгашей, сплоченных интересами в эксплуатации туземного населения, прикрывающейся благодаря обособленности и отдаленности края над покровительством правил закона и власти. В настоящее время образовался недопустимый подбор местной администрации и торгашей, которые держат в своих руках душу и тело туземных народностей. Это общество гг. Разуваевых и Колупаевых, обладая огромными денежными средствами, связями и пр., имеет некоторое давление на губернские привилегированные учреждения и даже на губернскую печать. Все возмутительное прикрывается канцелярией, — скрыто от понимания и сознания общества. И нет ничего удивительного, что при существующей системе управления Туруханского края, где полицейский пристав все — «и бог и царь», и при охарактеризованном выше составе туруханской администрации, самые благия намерения правительства, самые лучшие указания останутся мертвой буквой, а возмутительные факты массового вымирания от эпидемий и еще более ужасных по своим последствиям вымираний от голода, водки, взяточничества и гнуснейшей эксплуатации будут служить наглядным показателем отношения нашего правительства к инородцам Севера Сибири.

Одущевленный искренним желанием принести обездоленным туземцам Туруханского края помощь, досуг свой я употреблял на освещение путем печати возмутительных фактов, явлений и событий из жизни инородцев Севера, как это делал и раньше за мою поездку в западную половину Турух. края, на р. Таз с 1903 по 1905 гг. (Журнал «Сиб. вопросы», № 29—30—1908 г. и друг.). Работа эта в далекой сумрачной стране, где бесследно гибнет человечество, отверженное от всего остального общества, оставленное как бы в добычу жестоким эпидемиям и дикому, разнузданному произволу преступных культуртрегеров, влачащее и без того жалкую, безотрадную жизнь, исполненную мучительных страданий, и не имеющее в будущем ничего, кроме совершенного вырождения и вымирания, для меня служила нрав-

ственным отдыхом от сознания честно исполненного долга и обязанности человека.

Мои статьи, заметки, корреспонденции в Сибирской периодической печати, в которых я горячо защищал беднейшее туземное население, а главным образом мое сообщение (неясно — М. В.) в Туруханском крае, от 21 декабря 1907 г., помещенное в № 5 журнала «Сибир. вопросы» за 1908 г., обратившее в свое время должное внимание об-ва гг. членов Государственной Думы и г. Министра внутренних дел, а туруханской администрации и дельцам причинившее «неприятности», «хлопоты и расходы», вызвало со стороны последних усиленную на меня травлю...

Г. Мельников, имевший поручение от Енисейского губернатора по расследованию о распространении оспенной эпидемии в Туруханском крае, к моему глубокому удивлению, по инициативе туруханских дельцов, меня же, горячо ратовавшего о врачебной помощи населению, составив или воспользовавшись каким-то подложным полицейским протоколом, и обвинил в распространении оспенной эпидемии путем приобретения коллекций. Но ввиду того, что почва под ногами г. Мельникова оказалась шаткой, на помощь ему явился г. Окулич (фамилия не ясна — М. В.), пребывание которого в Туруханском крае администраторы и дельцы вообще использовали в своих целях, а в частности довели до его сведения, что такой-то посылает зараженные научные коллекции, на основании чего он — Окулич — через посредство губернатора приостанавливает на ст. Ананьинском 3 посылки естеств.-научных коллекций, затем доводит об этом до сведения г. Енисейского прокурора и пишет донос в Императорскую Академию наук, построенный на голословных сведениях, не проверив действительности. И в то же время гг. Мельников и Окулич глубокомысленно умалчивают о зараженной пушнине, вывезенной торгашами из Туруханского края, тем самым сознательно способствуют распространению оспенной эпидемии не только в Туруханском крае, а, судя по газетным сведениям, далеко за пределами его...

Затем о-во гг. Разуваевых и Колупаевых при содействии им гг. Мельникова и Окулича (не ясно. — М. В.) использовали в своих целях Красноярский печатный орган «Красноярец», на страницах которого обилии меня нагло сенсационной ложью...

Возвратившись из поездки в Туруханский край и ознакомившись с сущностью возведенной на меня гнуснейшей клеветы перед музеем Антропологии и Этнографии Императорской Академии наук, я 14 мая с. г. через редакцию журнала «Сибирские вопросы» послал открытое письмо в сибирскую фракцию членов Государственной Думы, подробно

изложив обстоятельства дела по существу. Содержание этого письма, полагаю, будет вполне достаточной реабилитацией.

На основании вышеизложенного честь имею почтительно просить через посредство Вашего превосходительства музеев Антропологии и Этнографии в лице превосходительства директора его Василия Васильевича Радлова — не придавать никакого значения поступившему на меня нагло тенденциозному доносу до выяснения обстоятельства дела — действительно ли правдоподобна возведенная на меня гнуснейшая клевета.

Возложенное на меня поручение музея Антропологии и Этнографии Императорской Академии наук мною выполнено честно, бескорыстно, с должным старанием и усердием. Целью моей второй поездки в Туруханский край было (подчеркнуто мною. — М. В.) — обогатить этнографическими и антропологическими коллекциями из быта арктиков — детище Его превосходительства Василия Васильевича Радлова — музей Антропологии и Этнографии, а обладая языками туземцев (самоедским и тунгусским), собрать ценные научные материалы. И в этом отношении, даже судя по приведенным выше сведениям о результатах моей поездки, труды мои не могут быть не признаны.

Прошу обратить внимание Вашего превосходительства и на то обстоятельство, что, исполняя возложенное на меня поручение, я работал безвозмездно, не получая никакого денежного вознаграждения, следовательно без всяких корыстных целей, почему не представлял и не намерен представлять ни счетов по израсходованию денег на приобретение коллекций, ни расходов на передвижение в крае, а равно и требования вознаграждения за свои труды, представляя это всецело на усмотрение Императорской Академии наук, имея в виду, что труд мой, судя по достоинствам его, будет оплачен.

За свои труды я прошу через посредство Вашего превосходительства очень немного — дать мне возможность закончить работы над арктиками Енис. губ., для каковой цели прошу причислить меня к Музею Антропологии и Этнографии Императорской академии наук за скромное месячное содержание от музея, — для обработки собранных мною этнографических материалов, дневника, географич. маршрутных эскизов и, кроме того, представленные мною в музей Антропологии и Этнографии Академии наук материалы, представляя собой мертвый материал, также нуждаются в моем определении.

Это будет величайшей наградой за мои труды на далеком Севере, за все лишения и невзгоды, за все нравственные

страдания, пережитые мною в Туруханском крае, во время ужасов эпидемий...

В силу крайней безысходной нужды осмеливаюсь просить еще — сделать мне телеграфный перевод на 300 рублей — в пособие, необходимое мне на лечение. Другое какое-либо отношение ко мне будет фактом вопиющей несправедливости.

О последующем почтительнейше прошу Ваше превосходительство уведомить меня телеграфом по адресу: Станц. Булаево Сиб. жел. дор. — Рычкову.

Пользуюсь случаем заверить, Вашему превосходительству, чувство глубокого уважения и преданности — Константин Михайлов Рычков.

1909 года мая 19-го

Ст. Булаево С. ж. д. Петропавловского уезда Акмолинской области, станция Медвежинская.

Архив АН СССР

Фонд 192, опись 1, № 137.

по поводу коллекций

я очень просил бы Вас

поговорить с г. Александром

4 августа 1912 г.,

г. Туруханск

Дорогой

Лев Яковлевич.

Вчера я возвратился из территории лимпейских тунгусов. Завтра отходит почта, и я спешу воспользоваться случаем, чтобы поделиться с Вами.

Работаю успешно. За один июнь месяц среди лимпейских тунгусов я сделал около 500 вер. верхом на оленях. Материалу собрал достаточно, особенно фольклора, по своему содержанию весьма ценного и в этнографическом отношении.

Как мне пришлось установить, в Туруханском крае существует 6 отдельных лингвистических групп или наречий тунгусского языка. У нас имеется достаточно материала от 3-х групп, остается обследовать еще 3, а именно: 4) турыжское наречие, 5) тунгусов корасинской управы и 6) наречие Чапогирского, Панкагирского и Нижнечумского родов. Поверхностное сопоставление указанных наречий может навести на мысль, что крупных различий между ними не существует и, следовательно, тратить времени на обследование всех указанных наречий не стоит. Но для решения этого вопроса в письме к В. Л. Котвичу я привел факты, которые сами по себе определяют то соотношение, в котором находятся указанные наречия.

Из тщательного сопоставления их я нашел 1) факты родственные по сходству, 2) факты заимствованные из других

языков и 3) факты совершенно чуждые друг другу, появившиеся в каждом наречии самостоятельно.

В области грамматических форм те же случаи, что и по отношению к отдельным словам. Наконец, в области значений слов серьезную задачу имеют факты заимствования из других языков.

Между указанными лингвистическими группами образовались не только резкие диалектические границы, но такой капитальный факт, как образование особых самостоятельных наречий. Следовательно, задаваясь вопросом, стоит ли продолжать обследование указанных лингвистических групп, совершенно не приходится.

Необходимо изыскать средства и спешить с обследованием, особенно нужно торопиться к туружцам, которые уже находятся на пути совершенного исчезновения. В настоящее время у них насчитывается только 14 ясачных душ, тогда как три года тому назад я насчитывал у них 81 душу общ. в 14 домохозяйствах.

К сожалению, к ним можно пробраться только зимой в ноябре месяце. За зиму и будущее лето я надеюсь окончательно закончить обследование указанных наречий — необходимые средства.

Таким образом, благодаря незначительной материальной поддержке Комитета, будут обследованы 7 (у Рычкова 7. — М. В.) собственно-тунгусских наречий (по 500 стр. фольклора от каждого наречия). При этом 4 наречия уже исследованы. Разве это незаметные результаты?

Кроме того, Вы можете себе представить, сколько у меня имеется драгоценного этнографич. материала по культу, быту, истории рода и семьи, по вопросу о вымирании.

Я убедительно прошу Вас, Лев Яковлевич, помогите мне!

Ваше отношение ко мне за последние годы — вопиющая несправедливость. Пусть интрига спешно расставляет свои коварные сети, пусть клевета пережевывает в своей отвратительной слюне нечистоты улицы, которые ей удалось собрать, это обычные спутники, но рано или поздно правда возьмет свое и в достаточной мере вознаградит за все пережитое.

В настоящее время я совершенно без средств и потому вынужден просить от Вас помощи. Поговорите совместно с Владис. Людвиговичем и Василием Васильевичем и помогите мне. Теперь у Вас против создавшегося недоразумения имеются фактические данные и полное основание для того, чтоб обставить меня более или менее нормально. Прежде всего необходимо:

1) по получении настоящего письма немедленно телеграфировать Енис. губернатору об оказании мне содействия,

ибо пристав не дальше как вчера воспретил мне разъезды по Турух. краю и впредь до получения необходимых справок от местн. губернатора и учреждения, от которого я работаю.

При неблагоприятном решении этого вопроса пристав наверняка вышлет меня из пределов Турух. края. Это имеете в виду прежде всего и примите, пожалуйста, все зависящие от Вас меры, чтобы не погибло предприятие.

2) Необходимо увеличить кредит, отпускаемый для меня В. Л. Котвичу, ибо дороговизна края и разъезды увеличивают расходы вдвое.

3) Отпустить кредит на предмет приобретения этногр. коллекции. Вы гарантировали мне покупку на 500 рублей. Будьте добры, пошлите телеграфом хотя бы 300, и Вы будете регулярно каждую почту получать коллекции.

4) Ускорить высылку антропометрических инструментов. Это все, что для меня крайне необходимо.

Деньги прошу перевести телеграф. в Енисейск и почтой до Туруханска, с таким расчетом, чтобы я мог получить их в Туруханске 10 сентября (почта ходит от Енис. до Туруханска 8 дней, 4 раза в месяц). Если по Вашему расчету я не получу деньги в указанный срок, то, будьте добры, перешлите их в другие отправления на имя моей жены А. М. Рычковой в с. Ярцево, Енис. уезда, куда я буду вынужден выехать 10-го сентября, с последним пароходом из низовьев Енисея, чтобы начать обследование вышеуказанных тунгусов с р. Сыми, по р. Енисею, куда все они выходят осенью, постепенно подвигаясь на Север. Среди лимпейских тунгусов мне удалось собрать кое-какие предметы (2 бубна, муж. и жен. и неск. дерев. идолов). Но вывезти их я не смог, т. к. путешествовал на одном олене верхом. — С уваж. Рычков.

Р. С. Набранные предметы вышлю по получении от Вас аванса при первой возможности. Родственн. номенклатуру тунгусов я еще не закончил. Больше писать нечего. Буду ждать от Вас ответа телеграфом к 10 сентября. — С уважением Рычков.

Архив АН СССР

Фонд 142

Опись 1.

№№ писем 125. Лист № 160.

Императорское
Русское Географическое общество
Западно-Сибирский отдел

19 декабря 1915

№ 509

г. Омск

(Сохранился и конверт, куда было вложено письмо К. М. Р-а Ольденбургу за № 509. На конверте следующий адрес:

Его превосходительству
Непременному Секретарю И. Академии наук
Сергею Федоровичу Ольденбургу

г. Петроград

Вверху штамп типогр.
способом из Омска (М. В.).

Глубокоуважаемый
Сергей Федорович.

Позволю себе обратиться к Вам со следующей покорнейшей просьбой.

С 1903 г. по 1913-й я посвятил себя делу обследования северных инородцев, главным образом тунгусов Енис. губ. Специальными предметами моих изысканий были: язык, культ, род, численность и условия и причины вымирания. Результаты Вам должны быть известны, а отчасти Вы можете иметь о них некоторое представление из прилагаемого при сем списка моих работ, по ознакомлению с которыми можно видеть, насколько продуктивно и законченно сделано обследование Енис. тунгусов. И за это я обязан всецело только Вам, глубокоуважаемый Сергей Федорович, ибо Вы первый серьезно натолкнули меня на этот путь и оказали мне, по просьбе покойного П. М. Головачева, участие, благодаря чему я получил возможность работать при поддержке музея Антропологии и Этнографии. Теперь мне представляется возможность продолжать изыскания над восточными тунгусами и, таким образом, завершить дело тунгусоведения. Поэтому я снова решаюсь просить Вашего участия и помощи.

Дело в том, что я мог бы занять место хранителя Владивостокского музея Общества изучения Амурского края и заняться исключительно тунгусами. Необходимо предстоящие изыскания обставить основательно. Вот в этом Вы могли бы мне оказать свою поддержку. Может быть, Вы нашли бы для себя возможным привести мои предложения в Комитет по изучению С.-В. Азии, который совместно с распорядительным комитетом Общества Амурского края и решил бы мою дальнейшую участь.

Весь добытый мною лингвистический материал находится в настоящее время у В. Л. Котвич для редактирования. И в будущем я ничего не имею против редактирования материала В. Л. Котвичем, только вот, благодаря, может быть, его занятости, медлит с изданием материала, и это меня беспокоит. Может быть, Вы бы нашли возможность поговорить с ним по этому поводу, как и с Л. Я. Штернбергом.

Из Семипалатинского музея я приглашен в Омский музей Зап. Сиб. отд. ИРГО, но все мои помыслы, по вполне понятным для Вас причинам, сосредоточены (так у Р-а — М. В.) на Востоке, и потому я решился беспокоить Вас настоящим письмом.

О последующем покорнейше прошу не оставить меня своим уведомлением. Искренне Вас уважающий и благодарный Вам К. Рычков.

Г. Омск

Музей Зап. Сиб. Отд. ИРГО

Р. С. При сем прилагается список моих работ, Отношение Распор. комитета О-ва изучения Амурского края от 3 декабря 1915 г. за № 713 и копия с отзыва Распор. Комит. Семип. Подотд. ИРГО от 15 января 1914 г. за № 7 К. Р.

Рукописный архив востоковедов ИНА АН СССР
Фонд № 49 (Письма, № 92).